

му что для всяких мирских надобностей, а имянно на отпращу рекрут, и по немимению своих писцов за написание разных сказок и репортов без збору денег обоитися им было не можно, ежели же мне предписать им, по скольку имянно збирать з души на те расходы, тобы и болше в силу законов подверг себя под наказание»⁴⁷. С одной стороны, установленные традицией взятки и почести нельзя отменить, потому что дело встанет, с другой – их нельзя и легализовать, потому что закон запрещает. Единственным возможным выходом в этой ситуации становилось следование негласным «правилам», определявшим размеры и ритуальные формы подношения «подарков». В случае же систематического нарушения этих правил у «слабого» (в данном случае крестьянского мира) существовала определённая возможность защитить свои интересы. Фактически крестьянство использовало законы о взятках, чтобы осадить зарвавшихся чиновников.

⁴⁷ Там же, ф. 304, оп.4, д. 279, л. 13 об.

Должностные преступления в местном аппарате управления первой половины XIX в. (на материалах Вологодской губернии)

Олеся Плех

**Official malfeasance in local administration in the first half
of the nineteenth century (based on materials of Vologda region)**
Olesya Plekh (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences)

В последние десятилетия тема злоупотреблений чиновничества привлекает многих исследователей, рассматривающих историю государственного управления. В большинстве случаев учёные приходят к выводу, что именно характер должностных преступлений является одним из показателей качества работы органов государственной власти. Но при этом многие из них сталкиваются с проблемой поиска документальных свидетельств этих правонарушений. В большинстве случаев при характеристике злоупотреблений чиновничества исследователи используют мемуарную литературу либо опубликованную министерством юстиции статистическую отчётность. В настоящей статье предпринимается попытка на основе анализа материалов местных учреждений первой половины XIX в. рассмотреть должностные преступления с позиции особенностей уголовного судопроизводства. Источниковой базой работы стали документы, отложившиеся в Государственном архиве Вологодской области (ГА ВО), а именно протоколы и журналы заседаний уголовной палаты, которые впервые

вводятся в научный оборот. Выбранные источники относятся к категории массовых, что, с одной стороны, осложняет процесс работы с ними, с другой – позволяет раскрыть закономерности и выявить особенности уголовного процесса по делам о должностных преступлениях.

Для должностных преступлений в уголовном праве первой половины XIX в. устанавливался особый порядок расследования и рассмотрения. Такие дела были подсудны уголовным палатам, а преступления губернаторов, губернских предводителей дворянства и прокуроров, председателей губернских палат относились к подсудности Сената¹. В ходе работы было выявлено и проанализировано 679 следственных дел, рассмотренных Вологодской палатой уголовного суда за 1802–1850 гг., что составляет не менее 95% всех дел о должностных преступлениях, которые прошли через данное судебное учреждение за первую половину XIX в. Следственные дела могли включать несколько противоправных деяний: в 249 случаях из 679 в обвинение ставилась совокупность преступлений. Таким образом, общее количество зарегистрированных должностных правонарушений составляет 1 013, что на треть превышает число следственных дел.

Согласно закону, разбирательство любого уголовного дела проходило три стадии: следствие, суд и исполнение приговора. Последний этап не отражался в документах уголовной палаты, поскольку его реализация находилась в компетенции полицейских учреждений. Рассмотрим ключевые моменты первых двух стадий на конкретном историческом материале. Отправной точкой для производства следствия являлась регистрация сообщения о преступлении. В законодательстве давался подробный список поводов к началу дела о должностном правонарушении², которые можно объединить в несколько категорий: 1) жалобы и доносы частных лиц; 2) предписания начальства и рапорты должностных лиц; 3) рассмотрение отчётной и текущей документации; 4) ревизии местных учреждений. Остановимся подробнее на каждом из указанных оснований.

По моим подсчётам, по жалобам частных лиц было возбуждено около трети всех следственных дел. 87% общего числа таких жалоб на незаконные действия должностных лиц принадлежали государственным крестьянам. Почти все их жалобы касались превышения властных полномочий чиновниками или незаконных поборов. Сообщать о должностном преступлении закон позволял в любой орган управления, но, как правило, частные лица предпочитали обращаться либо к уездным стряпчим и прокурорам, либо непосредственно к губернатору и губернскому правлению. С появлением палаты государственных имуществ, которая начала функционировать в Вологодской губ. с 1 мая 1839 г.³, крестьяне стали подавать жалобы через окружных начальников.

Материалы следственных дел свидетельствуют, что местные учреждения (речь идёт об уездных органах), не очень охотно принимали жалобы на служащих. Когда чиновники не были заинтересованы в раскрытии преступления, они всячески препятствовали началу разбирательства по делу. За попытку принести прошение, неудобное должностным лицам, доносителя могли попросту высечь⁴. А в случае, если жалобу принимали к рассмотрению, не исключался

¹ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 15. Свод законов уголовных. СПб., 1842. С. 287.

² Там же. С. 288.

³ Вологодские губернские ведомости. 1839. № 19. С. 152.

⁴ См.: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 96, л. 124–136.

риск случайной или умышленной «утраты» документов⁵. Благоприятные условия для этого создавало хаотичное ведение делопроизводства, позволявшее без серьезных последствий скрыть принятое заявление о должностном преступлении или уничтожить материалы следствия⁶. Сенаторы и генерал-губернаторы, в разное время ревизовавшие Вологодскую губ., всегда упоминали в своих отчётах о беспорядках в канцеляриях местных органов власти⁷. В 1820 г. генерал-губернатор А.Ф. Клокачёв обнаружил, что одни учреждения утаивали дела и не обозначали их в документах, другие, в том числе губернское правление, – просто не вели настольных реестров входящих бумаг⁸. Наладить канцелярский порядок административными методами в условиях существовавшей системы управления было невозможно. Предписания начальства с требованиями устранить нарушения воспринимались должностными лицами как необязательные для исполнения рекомендации, поскольку они не подкреплялись никакими санкциями и ответственность за их игнорирование не наступала.

Факты умышленной утраты документов обнаруживались крайне редко, а в случае, если это происходило, следствие обычно не могло установить виновников. Так, в 1849 г. суду уголовной палаты был предан секретарь городской ратуши, обвиняемый в утрате более 100 дел и входящих бумаг. В похищении документов он не признался, и доказательств его вины не выявили. В итоге обвиняемый получил лишь выговор «за беспорядочное ведение делопроизводства»⁹. Но если лица, виновные в утрате документов или сокрытии материалов уголовного дела, всё же обнаруживались, суд принимал во внимание их объяснения, якобы свидетельствующие об «отсутствии злого умысла» в их действиях и прибегал к тем же выговорам¹⁰, и только в очень редких ситуациях – к увольнениям. Таким образом, практика смягчения ответственности приводила к одному результату – страх наказания за сокрытие бумаг, а вместе с ними и преступлений, на служащих не действовал.

Утаивать все правонарушения местные чиновники, конечно, не могли, и им приходилось принимать к рассмотрению сообщения о преступлении, так как всегда находились такие доносители, которые при необходимости проходили все инстанции, чтобы добиться регистрации своей жалобы. Так, зимой 1829–1830 г. «комиссионер 9 класса» Соколов, заметив незаконные вырубki леса, поспешил доложить об этом окружному лесничему и земскому суду. Однако местные чиновники не были заинтересованы в проведении расследования, поскольку принимали непосредственное участие в покрывательстве хищения леса. Соколов, не успокоившись, представил донос казённой палате и губернскому правлению, и следственное дело всё-таки пришлось возбудить¹¹. И хотя невнимательное отношение к жалобам населения не наказывалось строго, а уголовная палата обычно ограничивалась выговорами, как было и в описанном случае, риск быть привлечённым к ответственности всё же сохранялся.

⁵ См., например: Там же, д. 79, л. 839–848 об.; д. 88, л. 315–360; д. 138, л. 415–418; д. 169, л. 221–225 об.; д. 242, л. 1287–1291 об.

⁶ См.: например: Там же, ф. 177, оп. 1, д. 88, л. 315–360; д. 138, л. 415–418; д. 169, л. 221–225 об.; д. 242, л. 1287–1291 об.

⁷ См.: Там же, ф. 177, оп. 1, д. 116, л. 1028–1044 об.; д. 242, л. 1451–1455а об.; РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 156, л. 236 об.–239; д. 256, л. 201–202 об.; ф. 1286, оп. 2, д. 32, л. 8 об.; ф. 1341, оп. 32, д. 768а, л. 1 об.–69; ф. 1405, оп. 28, д. 2513, л. 134 об.–139.

⁸ См.: ГА ВО, ф. 14, оп. 1, д. 516, л. 2–17 об., 19–23 об.

⁹ Там же, ф. 177, оп. 1, д. 256, л. 116–116 об.

¹⁰ См.: Там же, д. 186, л. 920–922; оп. 3, д. 132, л. 1–1 об., 42.

¹¹ См.: Там же, оп. 1, д. 142, л. 525–535.

В случае, когда все возможные правовые механизмы внутри губернии были исчерпаны, жалобщики могли пойти с прошением и до центральных органов власти. Ярким примером тому служит дело о незаконных поборах чиновников в удельных волостях Тотемского уезда, рассматривавшееся уголовной палатой 4 декабря 1828 г. Сначала крестьяне попытались донести о взятках губернатору, но он переслал жалобу на рассмотрение управляющему удельной конторой, который сам являлся одним из главных правонарушителей. Попытки удельных чиновников замять это дело привели к тому, что в селениях начались волнения, которые были подавлены с помощью солдат. Однако один из крестьян добрался до столицы и подал жалобу в Сенат. В результате в 1827 г. с ревизией удельного управления прибыл сенатор И.С. Горголи, отдавший под суд 82 должностных лица¹². Ревизор, известный своим жёстким нравом, добился признания во взятках четырёх чиновников, в том числе двух управлявших удельной конторой¹³. В данном случае избалованные в преступлении должностные лица избежать строгой ответственности не смогли.

Вторым поводом к началу дела могли стать либо предписание начальства, либо рапорт должностного лица. Причины, побуждавшие доносить на своих сослуживцев и подчинённых, были самыми разными. Во-первых, закон возлагал ответственность на начальников за работу всего учреждения. Чаще всего за нерадение к службе, медлительность в работе, пьянство и т.п. под суд попадали канцелярские служащие. Во-вторых, одним из главных направлений деятельности прокурора, губернских и уездных стряпчих являлся надзор за порядком в работе местных органов власти. В-третьих, если должностное лицо осознавало, что может попасть под подозрение в совершении преступления, виновниками которого являются его сослуживцы, то предпочитало сообщить о правонарушении, дабы оградить себя от ответственности. И, наконец, в-четвёртых, нередко причиной, побуждавшей к доносу, являлось чувство мести или обида¹⁴, а также внутренние распри и разногласия между чиновниками. К примеру, в апреле–мае 1814 г., когда проводились следствия по фактам преступлений, выявленных сенатором А.З. Хитрово, трое чиновников Яренского уезда подали друг на друга доносы о взятках и прочих злоупотреблениях¹⁵. Всего по предписаниям начальства и рапортам должностных лиц было возбуждено около 40% от всей массы выявленных дел.

Третьим поводом к началу производства по делу могло стать обнаружение правонарушений при рассмотрении отчётной и текущей документации учреждений. Всего по результатам рассмотрения документации учреждений было возбуждено не более 16% от всей массы выявленных дел. Как правило, таким путем вскрывались денежные растраты и причинение ущерба казённому имуществу, незаконные действия при производстве следствий по уголовным делам, противоправное засвидетельствование гражданских правоотношений, составление подложных документов и т.п. Правда, выявление должностных преступлений по материалам делопроизводства учреждений было сопряжено со значительными трудностями. Несмотря на то, что порядок организации кан-

¹² В числе подсудимых оказались почти все бывшие и действующие на тот момент должностные лица Вельской удельной конторы, крестьянские выборные лица, а также ряд уездных чиновников.

¹³ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 116, л. 1028–1044 об.

¹⁴ См., например: Там же, д. 31, л. 673.

¹⁵ Там же, д. 92, л. 261–289 об.

целярской работы подробно регламентировался, почти повсеместно в органах власти указания закона не соблюдались¹⁶. Благоприятные условия для этого создавало отсутствие налаженной системы контроля, которая смогла бы обеспечить регулярное проведение ревизий. Беспорядок в документации вполне устраивал служащих, поскольку позволял на протяжении долгого времени безнаказанно совершать преступления, скрывая их хаотичным ведением делопроизводства. В частности, с большим трудом выявлялись разного рода махинации с финансовой отчётностью. Так, в 1845 г. уголовная палата рассматривала два дела о незаконном расходовании денежных средств выборными городскими учреждениями. В одном случае должностным лицам удавалось совершать преступные действия на протяжении 31 года¹⁷, в другом – 45 лет¹⁸. В процессе следствия по обоим правонарушениям из-за канцелярского беспорядка было трудно выявить не только главных виновников, но и определить суммы причинённого ущерба.

Четвёртым поводом к началу дела служили предписания разного рода ревизоров (сенаторов, генерал-губернаторов, чиновников центральных учреждений). Несмотря на малочисленность таких случаев в общей массе выявленных следственных дел (8%), они весьма показательны. Боязнь и недоверие к местным властям и правосудию приводили к тому, что жители губернии воспринимали представителей центральных учреждений едва ли не как спасителей. Сенатор А.З. Хитрово в своём отчёте писал, что во время его ревизии Вологодской губ., в 1814 г. почти в каждом селении крестьяне приходили к нему «толпами» со своими многочисленными жалобами на преступления местной администрации¹⁹. Донос о правонарушении, поданный ревизору, уже не мог быть проигнорирован, и наверняка поступал на рассмотрение уголовной палаты. Но при этом не существовало гарантии, что преступники понесут заслуженное наказание²⁰. Из 56 рассмотренных уголовной палатой следственных дел, начавшихся по инициативе ревизоров, только в семи случаях подсудимых привлекли к строгой ответственности, да и то только потому, что они признали свою вину²¹.

Анализ протоколов уголовной палаты позволяет установить, что в абсолютном большинстве случаев с момента совершения преступления до регистрации сообщения о нём проходило не более года. Это было вполне логично, поскольку закон обязывал сообщать о совершаемых правонарушениях незамедлительно. Если жалоба или донос поступали спустя продолжительное время и лицо, его подававшее, на протяжении всего этого срока знало о незаконном деянии и молчало, то его признавали содействующим совершению преступления и подвергали наказанию²². Не более, чем в 15% случаев сроки от момента совершения правонарушения до его выявления оказывались продолжительными. Речь идёт о наиболее тяжких и трудно раскрываемых преступлениях (взятки, растраты казённого и общественного имущества, подлог документов). Как пра-

¹⁶ См.: Там же, ф. 14, оп. 1, д. 1019, л. 41–48 об.

¹⁷ Там же, ф. 177, оп. 1, д. 199, л. 879–879 об.

¹⁸ Там же, л. 914–929.

¹⁹ Там же, ф. 14, оп. 1, д. 424, л. 1.

²⁰ См., подробнее: *Плех О.А.* Сенаторские ревизии в северных губерниях России в первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2012. № 11. С. 82–96.

²¹ См.: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 71, л. 509–512; д. 92, л. 191–205; д. 116, л. 1028–1044 об.; д. 130, л. 1291–1293; д. 134, л. 1286–1290 об.; д. 138, л. 493–495 об.; д. 242, л. 1451–1455а об.

²² См.: Свод законов Российской империи... Т. 15. С. 186–191.

вило, такие деяния выявлялись во время ревизий учреждений, при детальном знакомстве с делопроизводственной документацией, в процессе производства по другим правонарушениям.

В конечном итоге все сообщения о должностных преступлениях стекались в губернское правление, которое было уполномочено решать вопрос, стоит ли начинать производство по делу. При этом закон устанавливал прямую ответственность губернского начальства за принятие бездоказательных доносов в отношении должностных лиц. Любое сообщение о преступлении следовало основательно подкрепить, иначе оно признавалось ложным и доносителей строго наказывали. К примеру, если исправник, взыскивая недоимки, злоупотреблял полномочиями и избил крестьянина при свидетелях, то доказать это было не так уж трудно. Но если речь шла о взятке, которую чиновник получил через сторонних лиц и без свидетелей, такой донос практически всегда признавался ложным.

Служащие государственного аппарата не понаслышке были знакомы с правилами оценки доказательств и прекрасно представляли, посредством каких уловок можно скрыть противоправное деяние. Чтобы доказать донос на своих сослуживцев, должностное лицо предприняло все возможные средства, в том числе и незаконные. Так, один канцелярский служащий Вельского уездного суда, увидев, что многие уголовные дела, не подпадавшие под амнистию, окончательно решены судом по манифесту от 30 августа 1814 г., решился доложить об этом начальству. Для доказательства он запечатал и лично привёз губернатору подлинники журналы суда, объяснив свои действия тем, что копии постановлений не смогли бы уличить преступников, поскольку «суд по узанию о его доносе, мог бы переправить или вовсе утаить» истинные записи в журналах²³. Несмотря на то что донос подтвердился, в отношении членов уездного суда даже не возбудили уголовное дело, а вот «непослушного» канцелярского служащего предали суду за самовольный вынос из учреждения документов, оштрафовали и уволили с должности. Подобные примеры не только свидетельствуют о том, насколько трудно выявлялись злоупотребления, и как сложно их было доказывать. Они отражают позицию губернского начальства, которое не поддерживало доносителей и не поощряло стремления пресекать правонарушения. Местные учреждения старались избавляться от лиц, склонных к написанию «ябеднических прошений», и обычно находили законные предлоги для их увольнения со службы (халатность, нерадение, медленное исполнение поручений и т.п.)²⁴.

Таким образом, процесс регистрации сообщений о должностных преступлениях осложнялся многими обстоятельствами, которые значительным образом снижали количество заявлений. Лицо, осознававшее, что подтвердить жалобу будет сложно, предпочитало умолчать о нарушении закона. Далеко не все сообщения о правонарушениях удостоивались внимания местных учреждений, а принятые к рассмотрению доносы не всегда приводили к возбуждению уголовных дел.

Анализ протоколов уголовной палаты позволяет выделить особенности досудебного производства по следственным делам, включавшего два этапа: предварительное следствие и формальное следствие. Производство по делам о должностных правонарушениях начиналось в случае, если губернское прав-

²³ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 65, л. 669.

²⁴ См., например: Там же, ф. 14, оп. 1, д. 1234, л. 1–3.

ление выносило положительное определение в отношении сообщения о преступлении. Назначалось проведение предварительного следствия, главными задачами которого являлись подтверждение факта совершения преступления, выявление обстоятельств дела и установление лица, привлекаемого в качестве обвиняемого. Сроки данной стадии производства не регламентировались. Закон упоминал лишь, что «исследование происшествия» должно проводиться самым скорейшим образом и желательно по горячим следам²⁵. Материалы предварительного расследования вновь поступали в губернское правление, от решения которого зависел дальнейший ход процесса. Если факт нарушения закона не находил подтверждения, то дело прекращалось, а доносителя отдавали под суд. Если же правонарушение обнаруживалось, то возбуждалось уголовное дело и назначалось формальное следствие²⁶, конечной целью которого являлось приведение всех «обстоятельств дела в такую ясность и полноту, чтобы судебное место не могло встретить никакого затруднения или сомнения для постановления приговора»²⁷. Данный этап, на который законом отводился один месяц, включал проведение основной массы следственных действий (допросы обвиняемого и свидетелей, очные ставки, сбор письменных доказательств и т.д.).

На протяжении всего времени досудебного разбирательства губернское правление могло инициировать прекращение производства. Оно самостоятельно решало вопрос о предании лица суждению уголовной палаты и могло не найти оснований для уголовного преследования, либо счесть проступок незначительным и закрыть дело, подвергнув служащего минимальному наказанию. Следствие находилось в компетенции полицейских учреждений. Конкретное должностное лицо, которому оно поручалось, определяло по своему усмотрению губернское правление. Как правило, по наиболее важным, с точки зрения начальства, правонарушениям на места посылались представители губернских учреждений, в иных случаях следствие проводили уездные и городские полицейские чиновники.

Материалы уголовной палаты свидетельствуют, что по малозначительным правонарушениям²⁸, где вина служащего была очевидна либо доказывалась его собственным признанием²⁹, все необходимые следственные действия удавалось завершить в течение года (60% от всей массы выявленных дел). Что же касается наиболее тяжких преступлений, инициированных ревизорами, содержащих большое количество показаний со стороны населения или нанёсших казне значительный убыток, общий срок расследования мог затянуться на три–четыре года³⁰. Закон указывал на необходимость всестороннего исследования

²⁵ См.: Свод законов Российской империи... Т. 15. С. 191–192.

²⁶ Закон устанавливал два варианта действий после возбуждения уголовного дела: либо губернское правление назначало формальное следствие, либо передавало материалы дела в уголовную палату, которая самостоятельно проводила дальнейшее расследование правонарушения (Там же. С. 292).

²⁷ Там же. С. 204.

²⁸ К примеру, самовольные отлучки от должности.

²⁹ Неисполнение предписаний начальства, нарушение порядка при исполнении должности, нарушение субординации в служебных отношениях, превышение власти и некоторые другие.

³⁰ См., например: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 36, л. 275–294 об.; д. 41, л. 149–159 об.; д. 69, л. 365–372 об., 373–380, 381–389 об., 431–458, 717–730 об., 883–908 об.; д. 71, л. 509–512; д. 73, л. 500–510 об., 620–627 об., 700–715 об., 932–939, 1062–1093 об.; д. 74, л. 317–340 об, 395–405, 749–761 об.; д. 78, л. 86–95 об.; д. 79, л. 221–227 об, 411–420, 471–518, 519–536 об, 537–669 об, 945–963; д. 83, л. 43–48, 899–964; д. 154, л. 63–70, 119–123, 201–216, 435–449 об.; д. 213, л. 1472–1473 об.; и др.

обстоятельств дела, и чиновники зачастую злоупотребляли данным предписанием, чтобы затягивать следствие, что, в свою очередь, давало возможность виновным уйти от наказания.

Местные чиновники умели провести расследование так, чтобы в ходе судебного разбирательства исключалась возможность обвинительного приговора. Во-первых, не всегда сразу начинали проведение следствия. Поскольку загруженность полицейских чиновников работой оставалась высокой, всегда можно было найти правдоподобную причину промедления. Но зато чем дольше оттягивался момент начала следствия, тем больше появлялось шансов, что важные для дела документы «случайно» затеряются, а свидетели забудут многие обстоятельства преступления. Во-вторых, методы проведения следственных действий зависели от характера противоправного деяния, которое предстояло исследовать. К примеру, если это был донос о взятках и под ним подписались многие крестьяне, то сбор показаний могли проводить в сезон полевых работ. Проводя допросы на местах, крестьянам объясняли, к чему их приговорит суд, если донос признают ложным, и убеждали отказаться от своих показаний. Если уговоры на крестьян не действовали, то особо упорных запугивали.

Фиксируя показания важных свидетелей, их зачастую не приводили к присяге, из-за чего суд не принимал такие доказательства. Более того, можно было опросить не всех, кого требовалось, а начальству объяснить это упорством крестьян, которые отказались прийти на допрос. Крайне выгодна для следователей была почти поголовная неграмотность населения. Так, в 1830 г. в жалобе сенаторам А.М. Корнилову и В.Ф. Мертенсу крестьяне указали, что пытались донести местным властям о жестоком обращении с ними, но проводившие следствие чиновники мало того, что угрожали им, так ещё и в тексты допросов поместили не те сведения, которые они сообщили. Ознакомиться с составленными документами крестьяне не смогли из-за неграмотности, а «рукоприкладство сделали к ним потому, что [следователь] читал их одним скоро и невнятно и они не могли хорошо расслышать содержание оных, другим читал не так, как было написано, некоторые крестьяне заручили по боязни, а иным вовсе не читал»³¹.

Возможно, именно боязнь преследования и разного рода фальсификаций приводила к появлению в материалах следствия не поддающихся логическому объяснению документов, в которых доносители полностью отказывались от своих обвинений. К примеру, во время следствия один крестьянин отрёкся от своей жалобы на взяточничество грязовецких чиновников, объявив, что жалобу подал, будучи «в беспамятстве и чувствуя в себе великий жар с головной болью и что по получении от болезни облегчения, осознает то показание несправедливым»³².

Естественно, следователи оказывали помощь подсудимым не бесплатно. В ряде случаев обвиняемые на допросах указывали, что с них требовали вознаграждение за содействие сокрытию преступления³³. Встречаются примеры, когда действия следователей нельзя объяснить ничем иным как взяткой. Так, из-за нарушения правил производства следствия был оправдан устьсысольский становой пристав, обвинявшийся в незаконном удержании денег³⁴. Как вы-

³¹ Там же, ф. 177, оп. 1, д. 130, л. 1266.

³² Там же, д. 48, л. 472.

³³ См., например: Там же, д. 82, л. 1355–1363.

³⁴ Там же, д. 256, л. 1352 об.

Динамика следственных дел и должностных преступлений в первой половине XIX в.

Годы	Число следственных дел		Число преступлений	
	ед.	%	ед.	%
1802–1810	84	12.4	113	11.1
1811–1820	114	16.8	170	16.8
1821–1830	117	17.2	176	17.4
1831–1840	118	17.4	184	18.2
1841–1850	246	36.2	370	36.5
Всего за 1802–1850	679	100	1013	100

Составлено по: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 1, 5, 8–9, 15–17, 19, 20, 25–27, 31, 32, 36, 37, 39–41, 44, 45, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 71, 73, 74, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 140–142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258; оп. 3, д. 1, 2, 25–27.

янил суд, следователь, которому было поручено лишь дополнить дело недостающими сведениями, без разрешения самостоятельно провёл ряд следственных действий, которые в конечном итоге привели к оправданию подсудимого. Ключевую роль в этом сыграло проведение нового допроса главного свидетеля. И несмотря на то что суть его объяснений осталась прежней, суд не принял их как доказательство вины, так как они, в отличие от предыдущих показаний, были взяты без присяги. Принять же к рассмотрению старый допрос суд не мог, поскольку взятие новых показаний по закону отменяло прежние. Подобный метод, неформально именовавшийся как «передопрос», активно применялся следователями, когда необходимо было «развалить» обвинение по делу³⁵.

Значительное число нарушений, допускавшихся во время расследований, позволяет сделать два предположения: либо полицейские чиновники отличались большой некомпетентностью, либо они сознательно совершали подобные действия. Второй вариант выглядит более правдоподобным, тем более что процветанию таких злоупотреблений способствовала позиция губернского правления, которое в самых редких случаях отдавало следователей под суд.

По завершении расследования и сборе всех необходимых справок и документов начиналось собственно судебное разбирательство дела. Как уже отмечалось, за 1802–1850 гг. Вологодская уголовная палата рассмотрела 679 следственных дел, включавших более 1 тыс. должностных преступлений. Рассмотрим динамику следственных дел и должностных преступлений, представленную в таблице 1.

На протяжении рассматриваемого периода количество зарегистрированных преступлений по десятилетиям оставалось примерно одинаковым. В 1802–1810 гг. постепенное увеличение показателей преступлений естественным образом связано с налаживанием работы губернских и уездных учреждений после реформаторских экспериментов Павла I. Собственно говоря, и восстановленная уголовная палата начала нормально функционировать только с 1802 г. Что же касается 1840-х гг., то здесь значительный скачок числа выявленных правонарушений является результатом того, что с 1839 г. к разряду следственных дел стали относить должностные преступления сельских и

³⁵ См., например: Там же, ф. 177, оп. 1, д. 186, л. 1281–1291 об.

Должности подсудимых в местном аппарате управления первой половины XIX в.*

Должности	Учреждения								Итого	
	Губернские		Уездные		Городские		Мирские			
	чело- век	%	чело- век	%	чело- век	%	чело- век	%	чело- век	%
Должности, назначаемые правительством										
классные канцелярские а) секретарские б) прочие**	34	7.7	365	82.8	42	9.5	0	0	441	100
	4	3.4	95	79.8	20	16.8	0	0	119	100
	25	4.9	361	71.2	31	6.1	90	17.8	507	100
Выборные должности										
дворянские	7	5	134	95	0	0	0	0	141	100
городские	3	2.3	0	0	125	97.7	0	0	128	100
сельские	3	0.5	109	19.3	0	0	453	80.2	565	100
Всего	76	4	1 064	55.9	218	11.5	543	28.6	1 901	100

* При определении должностей сохранена номенклатура, использовавшаяся в законодательстве первой половины XIX в.

** Для мирских учреждений в данную категорию включены писари, которые не избирались на должности, а нанимались обществом для письмоводства.

Составлено по: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 1, 5, 8, 9, 15–17, 19, 20, 25–27, 31, 32, 36, 37, 39–41, 44, 45, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 71, 73, 74, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 140–142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258; оп. 3, д. 1, 2, 25–27.

волостных выборных от государственных и удельных крестьян³⁶. В 1840-х гг. уголовная палата рассмотрела 148 следственных дел о выборных крестьянах, на которые приходилось 208 преступлений.

Анализируя общие показатели преступности, нельзя не отметить, что цифры получились не столь высокими, как можно было ожидать, что объясняется высоким уровнем скрытой преступности. Подтверждение данному тезису находим при детальном рассмотрении составов преступлений. При анализе протоколов уголовной палаты выделялись простые преступления (56%), содержащие одно деяние, и сложные – несколько деяний (44%). Многие правонарушения второго типа совершались на протяжении значительного времени.

Всего за первую половину XIX в. под судом Вологодской уголовной палаты оказалось не менее 1 900 служащих разных уровней и званий³⁷. Исследование показало, что 90% от общего числа следственных дел составляли случаи, когда количество обвиняемых не превышало четырёх человек. В то же время выявлены примеры, где подсудимых было очень много. По моим подсчётам, половина от общего числа подсудимых выпадает на 10% следственных дел. Самые мас-

³⁶ ПСЗ-П. Т. 14. Отд. 1. СПб., 1840. № 12166.

³⁷ Точное количество подсудимых установить невозможно, поскольку в некоторых протоколах перечислялись не все обвиняемые: по 19 следственным делам можно установить только часть подсудимых, по одному указано лишь, что их «много» (См.: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 44, л. 389–391 об.; д. 55, л. 953–957 об.; д. 59, л. 60–61 об.; д. 92, л. 1135–1229; д. 107, л. 598–604; д. 109, л. 820–822; д. 117, л. 950–955 об.; д. 124, л. 76–94 об.; д. 126, л. 389–399; д. 130, л. 1282–1285 об.; д. 146, л. 399–417 об.; д. 154, л. 201–216; д. 160, л. 427–432 об.; д. 199, л. 435–435 об, 879–879 об.; д. 213, л. 1472–1473 об, 1565–1567; д. 227, л. 111–113 об.; д. 1242, л. 657–670; ПСЗ-П. Т. 30. Л. 1016–1017).

совые привлечения должностных лиц к ответственности происходили после сенаторских ревизий, когда под суд могли попасть почти все служащие уезда. Так, в 1830-х гг. под судом в качестве обвиняемого побывал каждый третий чиновник и канцелярский служащий губернии³⁸, что во многом стало возможно благодаря стараниям ревизоров А.М. Корнилова и В.Ф. Мертенса. Содержание протоколов уголовной палаты позволяет увидеть состав подсудимых (см. табл. 2).

Половину обвиняемых составляли служащие уездных учреждений. Исполнение должностей при непосредственном контакте с населением давало широкий простор для злоупотреблений, а слабый контроль со стороны губернских органов создавал для этого благоприятную среду. В городских органах власти служили 11.5% подсудимых. Это значительный показатель, если учитывать, что доля горожан в составе населения губернии не превышала 4% даже к середине XIX в.³⁹ Городские условия давали меньше возможностей сокрытия преступлений. Почти треть подсудимых приходилась на органы мирского управления. Доля губернских чиновников среди подсудимых ничтожно мала (4%). Вряд ли это говорит о том, что среди этих служащих случаи нарушения закона были редки. Скорее это свидетельствует о более профессиональном уровне сокрытия преступлений, а также боязни населения доносить на чиновников высокого ранга, ведь жаловаться на губернских служащих приходилось бы в губернские же учреждения. Привлечение к суду данной категории лиц инициировалось либо сенаторами-ревизорами, либо доносами обиженных сослуживцев, либо начальниками самих учреждений в отношении своих подчинённых.

Рассматривая состав подсудимых, нужно отметить, что значительная их часть относится к назначаемым от правительства классным должностям. Вместе с дворянскими, городскими и сельскими выборными, служившими в губернских и уездных учреждениях, они составляют категорию так называемых присутствующих лиц и насчитывают треть от всего числа подсудимых. Именно они являлись инициаторами распространения и утверждения противозаконных методов управления. Благодаря опыту и статусу, своим должностным полномочиям, им нередко удавалось совершать многочисленные правонарушения на протяжении длительного времени. Канцелярские служащие во главе с секретарями способствовали и покрывали правонарушения присутствующих лиц, извлекая из этого для себя значительные выгоды. Однако в этом тандеме отсутствовала взаимная поддержка. В случае обнаружения правонарушений в каком-либо учреждении более высокопоставленные должностные лица стремились переложить вину и ответственность на низших служащих. Так, в 1849 г. после ревизии губернатором делопроизводства Сольвычегодского земского суда были выявлены многочисленные правонарушения, совершавшиеся на протяжении 1838–1846 гг. Под судом оказались 14 должностных лиц. На допросах присутствующие земского суда единогласно показали, что во всём виноват секретарь⁴⁰. Переложить на него груз ответственности было осознан-

³⁸ Это приблизительные данные, полученные путём сопоставления количества подсудимых чиновников и канцелярских служащих с общими данными их численности по губернии, которая, по моим подсчётам, в 1830-х гг. не превышала 1 тыс. человек (См.: РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 473; ГА ВО, ф. 14, оп. 2, д. 11).

³⁹ *Дубравин Н.П.* Статистический очерк Вологодской губернии // Справочная книжка для Вологодской губернии на 1853 год. Вологда, 1853. С. 94.

⁴⁰ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 256, л. 1124.

ным и удобным решением, так как секретарь умер ещё до начала следствия, не успев дать никаких показаний по делу.

Треть подсудимых служили в выборных мирских и городских органах управления. Здесь интересно отметить одну очень важную особенность выборной службы. Законодательно была установлена коллективная ответственность общества за деятельность их сословных учреждений. К примеру, если выявлялись растраты денежных сумм, а у виновного не хватало средств на их покрытие, то нехватки возмещало общество, избравшее должностных лиц. Таким образом, и горожане, и крестьяне были заинтересованы в пресечении злоупотреблений их выборных органов, так как несли материальную ответственность за их деятельность.

Отсутствие чёткой классификации должностных преступлений и неразвитость системы наказаний до создания Свода законов Российской империи 1832 г. и принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. накладывали отпечаток на рассмотрение дел уголовной палатой: одно и то же по своей сущности противоправное деяние могло быть классифицировано и решено совершенно по-разному, исходя из предпочтений членов суда. К примеру, если поступала жалоба на вымогательство взятки, сопряжённое с избиением крестьян, и передача денег следствием не подтверждалась, а побои удавалось доказать, то суд мог расценить суть преступления лишь как превышение властных полномочий.

Из всего перечня представленных в таблице 3 категорий преступлений, к наиболее тяжким относились деяния, связанные с незаконным обогащением: взятки (лихоимство) и присвоение казённых средств.

Как показала практика рассмотренных уголовной палатой следственных дел, когда растрата была незначительной, и обвиняемый осознавал, что суд сочтёт его ответственным за хищение денег, он предпочитал вернуть деньги сразу же при обнаружении деяния. В таком случае суд налагал мягкие наказания, уважая чистосердечное раскаяние и возмещение убытка. Но когда речь шла о крупных растратах или взятках, признание вины случалось крайне редко. Так, в 1826 г. за растрату денежных сумм (44 тыс. руб.), обнаруженную в 1818 г. в приказе общественного призрения, был приговорён к ссылке в Сибирь на поселение казначей данного учреждения. Высокопоставленные чиновники губернии, в том числе и губернатор, на которых он указал как на соучастников, своей вины так и не признали. В итоге вся ответственность за растрату была возложена только на казначея⁴¹. Очень интересным примером является дело о растрате в Яренском уездном казначействе, рассмотренное уголовной палатой в 1820 г. всю ответственность за преступление, которое совершалось на протяжении 1811–1816 гг., взял на себя казначей. Уникальность этого дела заключается в том, что это чуть ли не единичный пример, когда один из подсудимых сознался во всех пунктах обвинения. Что его на это подвигло, остаётся загадкой, так как кроме его признания никаких других доказательств у следствия не имелось⁴².

Обычно по преступлениям, связанным с растратами, обвиняемые находили способы представить дело так, что виновных было не найти, а когда существовали доказательства преступления, приводили самые немыслимые оправдания, которые суд принимал как смягчающие обстоятельства. Так, дворянский заседатель уездного суда Д. Нелидов объяснил, что совершил растрату не для

⁴¹ Там же, д. 107, л. 269–272 об.

⁴² Там же, д. 82, л. 1355–1363.

Классификация должностных преступлений первой половины XIX в.*

Категория преступления	Количество преступлений		Из них число преступлений, по которым:					
			вынесен обвинительный приговор**	вынесен оправдательный приговор**	учтены смягчающие обстоятельства	учтены отягчающие обстоятельства	подсудимый помилован	подсудимый без помилован без рассмотрения дела по существу
	ед.	%						
Неисполнение указов и предписаний	49	4.8	38	8	12	1	6	3
Превышение власти и противозаконное бездействие	266	26.3	191	69	52	7	29	6
Противозаконные действия при хранении и управлении имуществом и денежными суммами	157	15.5	119	37	28	3	26	1
Подлоги по службе	51	5	41	8	14	3	5	2
Неправосудие	5	0.5	4	1	1	0	0	0
Мздоимство и лихоимство	177	17.5	10	167	1	2	1	0
Нарушение порядка при определении к должности и увольнении от неё	8	0.8	7	1	0	0	1	0
Нарушение порядка отношений между начальниками и подчинёнными	29	2.9	21	7	4	1	0	1
Медленность, нерадение и несоблюдение порядка при исполнении должности	167	16.5	132	27	28	11	3	8
Преступления при следствии и суде	38	3.7	31	7	9	1	4	0
Ложные донесения о должностных правонарушениях	27	2.7	21	5	4	2	2	1
Иные***	39	3.8	28	10	9	1	6	1
Итого	1 013	100	643	347	162	32	83	23

* Классификация правонарушений проведена с учётом номенклатуры должностных преступлений, предложенной в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

** Общая сумма обвинительных и оправдательных приговоров не совпадает с общим числом преступлений, потому что по 23 правонарушениям подсудимые были помилованы без рассмотрения дела по существу и, соответственно, без установления судом виновности или невиновности должностного лица.

*** Включены преступления, связанные с нарушениями: лесного, питейного и рекрутского законодательства, по межевым делам, при совершении крепостных актов и нотариальных действий.

Составлено по: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 1, 5, 8, 9, 15–17, 19, 20, 25–27, 31, 32, 36, 37, 39–41, 44, 45, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 71, 73, 74, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 140–142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258; оп. 3, д. 1, 2, 25–27.

того, чтобы воспользоваться деньгами самому, а «по бываемой расстроенности в рассудке, незнанию точности своей обязанности по службе и недоумию»⁴³. Врачебная управа засвидетельствовала помешательство в рассудке, и виновный вместо ссылки был приговорён к лишению чинов и оставлен на месте жительства. Вряд ли стоит принимать подобные оправдания за чистую монету.

В случае необнаружения виновника суд налагал взыскание убытков на всех служащих учреждения, в обязанности которых входил надзор за сохранностью казны. В такой ситуации уход со службы и даже смерть не освобождали должностное лицо от материальной ответственности. Поэтому сами чиновники предпочитали во время следствия найти ответственного в преступлении и, как правило, главными виновниками выставляли канцелярских служителей. К примеру, ответственность за открывшуюся в 1821 г. растрату денежных сумм губернского правления (около 56 тыс. руб.) возложили на «приходорасходчика». И, несмотря на его утверждение, что часть денег была взята другими служащими, наказанию больше никого не подвергли⁴⁴. В целом судебное рассмотрение данной категории правонарушений отличалось большим числом обвинительных приговоров и высоким процентом раскрываемости.

По части же лихоимства вынесение оправдательных приговоров было обычным явлением. В своих решениях суд часто указывал, что «доносители кроме одних своих и причастных с ними по сему делу людей и без присяжных показаний, из коих многие оказались разнообразными и ложными, ясных доказательств и законных свидетелей не представили»⁴⁵. Расходные тетради волостных правлений суд не принимал как подтверждение получения взяток, ссылаясь на то, что выборные лица могли обмануть общество и присвоить эти деньги себе. В случае если служащий уже бывал под судом по обвинению в лихоимстве, либо на него указывало большое число крестьян, уголовная палата могла оставить его «в подозрении» (42 из 177 преступлений). К примеру, обвинявшийся во взятках вельский земский исправник остался «в подозрении», несмотря на то что на его преступление указывало более 200 крестьян и до этого он уже дважды был под судом по делам о лихоимстве, но оправдан за недостатком улик⁴⁶. Единственной возможностью уличить взяточника являлось его собственное признание, но такие случаи встречались крайне редко⁴⁷.

Самой многочисленной категорией преступлений было превышение власти и противозаконное бездействие. Подобные правонарушения имели большое распространение среди полицейских служителей. Взыскание недоимок, расследование преступлений, контроль за выполнением земских повинностей нередко сопровождалось злоупотреблениями. Что касается противозаконного бездействия, то за такие правонарушения чаще всего осуждали лиц, знавших о преступлениях сослуживцев и своевременно о них не сообщивших. В 1840-х гг. за превышение власти и бездействие активно привлекали к суду выборных крестьян, которые допускали противозаконные денежные сборы с общества. Число обвинительных приговоров и раскрываемость по данному виду преступлений очень велики. Такие показатели обуславливались спецификой категории пра-

⁴³ Там же, д. 129, л. 1035 об.

⁴⁴ Там же, д. 99, л. 317–318 об.

⁴⁵ Там же, д. 213, л. 1473.

⁴⁶ См.: Там же, д. 79, л. 71–90 об.

⁴⁷ См.: Там же, л. 927–939 об.; д. 116, л. 1028–1044 об.; д. 121, л. 93, 94; д. 134, л. 1286–1290 об.; д. 142, л. 1278–1302 об.

вонарушений: во многих случаях вина подсудимых была очевидна, и они считали что выгоднее чистосердечно раскаяться и доказывать отсутствие умысла в своих действиях (104 из 266 преступлений). Такое поведение гарантировало снисхождение суда и значительное смягчение наказания.

Неисполнение указов и предписаний начальства – хотя и не многочисленная, но весьма показательная группа преступлений. Эти правонарушения, как правило, представлены в совокупности с так называемой медленностью, нерадением и несоблюдением порядка при исполнении должности. По своей сущности схожими с указанными деяниями были «нарушения порядка при определении к должности и увольнении от неё» и «нарушения порядка отношений между начальниками и подчинёнными». Материалы подобных следственных дел интересны тем, что непосредственно отражают исполнение служебных полномочий должностными лицами и вскрывают отношения внутри учреждения. Дружественной обстановки и взаимного уважения внутри местного аппарата управления не наблюдалось. Самовольные отлучки от должностей, появление на службе в пьяном виде, демонстрация неуважения к начальству и друг к другу словами и действиями, вынос из учреждений документов на дом и их утрата, беспорядочное ведение делопроизводства, и т.п. были весьма распространёнными явлениями. Указы и предписания губернского начальства зачастую просто игнорировались. Губернское правление не предпринимало решительных мер к пресечению подобного поведения. К примеру, в 1822 г. уголовная палата за «недеятельность по делам и беспечность ко взысканию недоимки» осудила членов Грязовецкого земского суда. Дело было возбуждено по инициативе генерал-губернатора, который указал губернскому начальству на его медленную работу. В ответ губернское правление оправдывалось тем, что ничем не могло побудить служащих земского суда к деятельности: несмотря на неоднократные «подтверждения» и пени положительных сдвигов не наблюдалось.

Генерал-губернатор предложил штрафовать должностных лиц. Так, дворянский заседатель Никольского земского суда, не проведя вовремя следствие, дал возможность уйти от ответственности подозреваемому в краже крестьянину. Уголовная палата решила за это упущение наложить на чиновника минимальный штраф в 10 руб, но генерал-губернатор, возвратив дело на пересмотр, предписал в подобных случаях, помимо прочего, взыскивать с полицейских служителей «компенсацию за не отысканное имущество, чтобы возместить ущерб»⁴⁸.

Сроки судебного разбирательства в 42% следственных дел не превышали одного года, в 34% – длились от одного года до двух лет, в 24% – более двух лет. Чем дольше велось производство по делу, тем больше было шансов уйти от ответственности, добиться смягчённого приговора либо избежать наказания, попав под амнистию, поэтому дела умышленно затягивались и судебными органами, и самими подсудимыми⁴⁹. Установленные законом пра-

⁴⁸ Там же, ф. 177, оп. 1, д. 119, л. 516–523 об.

⁴⁹ Подсудимым гарантировалось право использовать все возможные способы к своему оправданию, чем они зачастую злоупотребляли. На допросах при следствии можно было о чём-то умолчать, но «вспомнить» об этом когда дело поступало в суд и тогда на основании вновь открывшихся обстоятельств уголовная палата была обязана назначить дополнительное расследование. Часто отстранённый от должности, но не взятый под арест подсудимый, пока велось следствие, находил возможность поступить на службу в другой губернии и под разными предлогами уклонялся от приезда в Вологду для дачи показаний суду (см., например: Там же, д. 213, л. 1515–1517; ф. 806, оп. 2, д. 4, л. 1–25).

вила создавали для этого благоприятную среду. Так, если следствие проводилось неосновательно, суд был обязан «привести в полную ясность» все обстоятельства дела и в случае сомнений назначить «дополнительное изыскание», собрать все недостающие сведения и справки⁵⁰. К примеру, 27 февраля 1821 г. генерал-губернатор А.Ф. Клокачёв предписал уголовной палате решить дело о взятках и злоупотреблениях чиновников Яренского уезда, «оставя излишние по сему делу справки и запросы»⁵¹. Производство началось ещё в 1814 г., но на протяжении семи лет никаких подвижек по нему почти не наблюдалось и, как оказалось, осталось не выясненным ещё множество вопросов. Даже личный контроль генерал-губернатора не гарантировал скорейшего вынесения приговора, так как окончательно дело было решено лишь в марте 1822 г.

Приговор уголовной палаты должен был пройти утверждение губернатора и поступить для ознакомления к губернскому прокурору. По общему правилу, пройдя контрольные инстанции, приговор объявлялся подсудимому, с него бралась подписка, что он с приговором ознакомлен. В особых случаях следственное дело должно было поступить на ревизию в Сенат⁵². По моим подсчётам, через утверждение высшего судебного органа прошло около 20% приговоров, пятая часть из которых была возвращена в уголовную палату для пересмотра. Главным образом Сенат не соглашался с результатами дела по формальным критериям либо по случаю протеста подсудимого⁵³. Пересмотры следственных дел затягивали вынесение окончательного приговора не менее, чем на год. Выявлены случаи, когда Сенат возвращал дело неоднократно. В качестве примера можно привести дело об устьсысольских чиновниках, рассматривавшееся на протяжении 20 лет. Следствие по нему началось в 1828 г. с доноса отставного чиновника на имя губернатора, в котором он описал взятки и присвоение казённых денег, совершённые устьсысольским исправником во время покупки скота для военных поселений⁵⁴. Расследование было проведено с максимальными усилиями к оправданию обвиняемого, который скорее всего ушёл бы от ответственности, если бы в 1830 г. в Вологодскую губ. не приехали сенатские ревизоры. Они, в отличие от местных должностных лиц, посчитали жалобу вполне доказанной и в процессе её рассмотрения выявили многочисленные преступления почти всех устьсысольских чиновников, совершавшиеся на протяжении многих лет. Многие крестьяне и их выборные лица показали на систематические незаконные поборы и взятки. Местные органы власти, насколько это было возможно, затянули разбирательство. В 1837 г. по этому делу оправдали почти всех должностных лиц, кроме четырёх главных фигурантов, которых оправдать полностью оказалось невозможно. Уголовная палата оставила их в «подозрении» и назначила самые щадящие наказания. Ввиду того что дело возбудили в результате ревизии, оно, согласно закону, должно было пройти утверждение Сената, который на протяжении 10 лет не хотел соглашаться с

⁵⁰ См.: Свод законов Российской империи... Т. 15. С. 298–301.

⁵¹ См.: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 92, л. 261–289 об.

⁵² О правилах и порядке поступления приговоров на ревизию в Сенат см.: Свод законов Российской империи... Т. 15. С. 302.

⁵³ Выявлены редкие случаи, когда дело поступало в Сенат на ревизию из-за несогласия с приговором губернатора, прокурора или одного из дворянских заседателей уголовной палаты. Во всех этих случаях делалась попытка оспорить приговор в сторону ужесточения наказания. Однако Сенат обычно не поддерживал подобные протесты и соглашался с мнением уголовной палаты.

⁵⁴ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 213, л. 1469–1491 об.

приговором. Высший судебный орган 5 раз возвращал дело на пересмотр из-за его «неполноты». В конечном счёте в 1848 г. Сенат всё-таки утвердил приговор, но к тому времени двое подсудимых уже умерли, а ещё двоих полностью оправдали.

Подводя итог характеристике должностной преступности в местном аппарате управления, необходимо выделить следующие моменты. Во-первых, уровень латентной преступности на протяжении изучаемого периода был очень высоким, поскольку существовало множество способов сокрытия правонарушений. Трудности в выявлении незаконных деяний были обусловлены многими факторами: неразвитостью правовых стимулов, побуждавших искоренять должностные преступления, жёсткими требованиями к доказательной базе доносов, изобретательностью служащих и в целом устоявшимися незаконными традициями управления. Всё это, вкуче с особенностями правосознания местного населения и отстранённой позицией центральных учреждений, создавало благоприятные условия для безнаказанного совершения правонарушений на протяжении длительного времени. Подтверждением этому служит характер совершаемых преступлений, большинство из которых были сложносоставными, ддящимися.

Во-вторых, большинство совершаемых преступлений либо были нацелены на незаконное обогащение, либо имели материальную подоплёку. По правонарушениям, затрагивающим частные интересы, в особенности по взяточничеству, процент раскрываемости оставался невысоким. Несоблюдение форм и обрядов во время производства следствия было распространённым явлением, позволявшим подсудимому уходить от наказания. В то же время с преступлениями, наносившими ущерб государственным интересам и особенно казне, всё-таки пытались бороться. Если не удавалось установить виновников таких злоупотреблений, суд всегда находил материально ответственных должностных лиц, с которых взыскивал казённые убытки. По менее тяжким преступлениям, когда существовал реальный риск привлечения к ответственности, подсудимые предпочитали признать вину, подчёркивая отсутствие злого умысла. Оправдания служащих суд активно принимал как смягчающие обстоятельства.

Таким образом, работа всей системы местного управления не была нацелена на искоренение должностных преступлений. Губернская администрация и уголовная палата не стремились создавать прецеденты жестокого наказания служащих и старались минимизировать наказания. Общество демонстрировало недоверие к местной власти и правосудию и предпочитало подстраиваться под существующие порядки управления. Государство, осознавая, что не имеет сил и средств для искоренения преступлений, не наказывало строго должностных лиц, а лишь пыталось сдерживать их злоупотребления в определённых рамках.